

УДК 81'42+167

НЕЗРИМЫЙ ОППОНЕНТ: СКРЫТАЯ ДИСКУССИЯ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ СТАТЬЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ¹

И. Е. Ким

Институт филологии СО РАН,
Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
kim@philology.nsc.ru

Д. В. Ильина

Новосибирский государственный университет,
Институт филологии СО РАН (г. Новосибирск)
dviljina@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена описанию языковых средств, с помощью которых автор научно-популярной статьи вводит в нее позицию «неискушенного читателя». В качестве источника материала для исследования использованы шесть научно-популярных статей лингвистической тематики. Используя методы, применяемые в исследованиях референции, семантическом синтаксисе и поэтике художественного текста, были проанализированы приемы введения обыденной картины мира «незримого оппонента» автора-ученого (или сведущего журналиста), в качестве которого автор представляет потенциального неискушенного читателя статьи. В результате исследования обнаружено, что авторы используют различные средства имплицитности, включающие пресуппозиции, неявную смену точки зрения, игры с референцией местоимений и существительных, чтобы решить сложную коллизию «фактора адресата»: критикуя взгляды, образующие обыденную картину мира читателя, не представляя в явной форме самого читателя своим оппонентом.

Ключевые слова: имплицитность, обыденная и научная картина мира, жанр научно-популярной статьи, авторизация, референция, точка зрения, личное местоимение, переносное значение лица.

Для цитирования: Ким, И. Е., Ильина, Д. В. (2020). Незримый оппонент: скрытая дискуссия в научно-популярной статье лингвистической тематики. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С.166-183. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.166-183

THE INVISIBLE OPPONENT: A HIDDEN DISCUSSION IN A LINGUISTIC POPULAR SCIENCE ARTICLE

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-01376 (18-00-00760) КОМФИ «Анализ и моделирование структуры риторических аргументов в естественном языке на примере научно-популярного дискурса».

This study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project 18-00-01376 (18-00-00760) “Analysis and modeling of the structure of rhetorical arguments in natural language on the case of popular science discourse”.

I. E. Kim

Institute of Philology SB RAS,
Novosibirsk State University (Novosibirsk)
kim@philology.nsc.ru

D. V. Ilina

Novosibirsk State University,
Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk)
dviljina@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the description of the linguistic means by which the author of a popular science article introduces into it the position of an “inexperienced reader”. Six popular science articles on linguistic topics were used as a source of material for the research. With the methods of studies of reference, semantic syntax and poetics of a literary text, the techniques of introducing an ordinary worldview of the “invisible opponent” of the author-scientist (or a knowledgeable journalist) were analyzed, in which the author represents a potential inexperienced reader of the article. As a result of the study, it was found that the authors use various means of implicitness, including presuppositions, implicit change of point of view, games with the reference of pronouns and nouns, in order to solve a complex collision of the “addressee factor”: criticizing the views that form the reader's everyday picture of the world, do not present explicit the reader himself as his opponent.

Keywords: implicitness, everyday and scientific picture of the world, genre of popular science articles, authorization, reference, point of view, personal pronoun, figurative meaning of a person.

For citation: Kim, I. E., Ilina, D. V. (2020). The invisible opponent: a hidden discussion in a linguistic popular science article. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 166-183. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.166-183

Конец XX в. ознаменовался формированием важного методологического приема в социальных и гуманитарных науках. А. Я. Гуревич сформировал для этого приема почти художественный образ: «безмолвствующее большинство». За этим образом стоит сложная научная задача – изучая письменные источники, выявить и описать, что и как думали неграмотные люди, не умеющие писать и не оставившие после себя письменных памятников, документальных свидетельств и записей [Гуревич, 1990].

А. Я. Гуревич показывает, что пониманию взглядов «безмолвствующего большинства» способствует изучение косвенных источников, таких, которые как документы предназначены были для других нужд, ср., например: «Особенно важной для той части общества, которая в изучаемый период втягивалась в зависимость от крупных землевладельцев, была идея свободы. Этот аспект мировоззрения свободных людей запечатлели *записи обычного права*, и прежде всего так называемые *варварские правды*» [Там же, с. 31]. Вот еще примеры использования не прямых источников: «Насколько традиционное противопоставление свободных и рабов уже не соответствовало реальности раннефеодального общества, вероятно, лучше всего явствует из *завещания второй половины VIII в.*, где упомянута передача церкви двух рабов (*servos*), из коих “один свободный, а другой раб” (*unus est liber et alter servus*), или из *клюнийской грамоты XI в.*, оформившей дарение виллы «с рабами и рабынями (*cum servis et ancillis*), проживающими в этом наследственном владении... будь то свободные, будь то

рабы» (*sive sint liberi, sive sint servi*) [Там же, с. 34]; «Среди памятников, которые с относительной полнотой позволяют познакомиться с суевериями и ритуалами сельской жизни в Раннем Средневековье, наибольшей ценностью обладают *пенитенциалии* (“покаянные книги”) католической церкви – пособия для исповедников, содержащие перечни грехов и устанавливавшие епитимьи за них» [Там же, с. 49].

А. Я. Гуревич объясняет основания этого метода: «Внимание историка не могут не привлечь такие сочинения, как жития святых, “примеры”, описания странствий души по загробному миру, проповеди, памятники вульгарного богословия, “покаянные книги” – пособия для исповедников, то есть жанры среднелатинской словесности, адресованные широкой массе населения. Эти произведения, по большей части дидактического характера, служили в руках духовенства средством воздействия на религиозное и нравственное поведение паствы. Но для достижения своих целей сочинитель неизбежно должен был вступить в диалог с аудиторией, и среднелатинские авторы не могли не испытывать со стороны публики, на которую были ориентированы их произведения, определенного давления, – здесь создавалась своего рода “обратная связь”. Поэтому можно предположить, что в памятниках латинской письменности указанных “низовых” жанров таятся фрагменты народной культурной традиции <...> Среди названных жанров особое место занимают видения потустороннего мира. В них запечатлены, и очень своеобразно, представления средневековых людей о смерти и загробном воздаянии, об устройстве мира иного. Но тем самым изучение такого рода повествований могло бы пролить свет на понимание в ту эпоху человеческой личности, на трактовку времени и пространства, то есть обнаружить существенные стороны средневековой “картины мира”» [Там же, с. 161-162].

Таким образом, знание о взглядах бесписьменной части народов Средневековья, не оставляющей прямых документов, добывается из источников, которые авторы создавали для совершенно иных коммуникативных целей: фиксации правовых норм, передачи имущества, распространения христианства, обучения отправлению религиозных обрядов и т. п. Изучение представлений народных масс, не оставляющих документальных свидетельств своих взглядов на мир, превратилось, таким образом, в аналог детективного расследования, при котором криминальные события реконструируются по косвенным данным, по показаниям лиц, не имеющих отношения к делу, по следам, которых никто не хотел оставлять.

Так, Б. Г. Литвак реконструировал особенности психологии русских крепостных крестьян первой половины XIX в. по жалобам мира (крестьянской общины) царю [Литвак, 1971, с. 209]. П. В. Лукин реконструировал представления русских крестьян XVII в. о верховной власти по материалам дел о «непригожих речах». В качестве материала исследования выступают протоколы допросов подозреваемых в словесных преступлениях против царя и другие материалы дел [Лукин, 2000].

В отношениях автора и адресата печатного (и графического электронного) текста возникает похожая коллизия красноречивого автора и безмолвствующего коллективного читателя.

Н. Д. Арутюнова обозначила эту коллизию в своей блестящей статье «Фактор адресата»: «... Всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата. Удовлетворение пресуппозиции адресата составляет одно из важнейших условий его эффективности. “Ошибка адресатом” может быть уподоблена обращению не в ту инстанцию» [Арутюнова, 1981, с. 358]. Как показала Н. Д. Арутюнова, в наибольшей степени фактор адресата связан с прагматикой, с условиями успешности речевого акта [Там же и далее].

Позднее в теории речевых жанров Т. В. Шмелевой «фактор адресата» в виде «образа адресата» занял место одного из пунктов анкеты речевого жанра, обязательного классификационного параметра [Шмелева, 1997].

В текстах разных коммуникативных сфер и разных жанров «фактор адресата» имеет разный вес. Это показала Н. Д. Арутюнова, отметив, что в нарративных произведениях художественной литературы автор постоянно нарушает максимы речевого поведения, связанные с ожиданиями адресата [Арутюнова, 1981, с. 366-367]. Автор как бы играет с читателем в коммуникативную игру, достигая за счет нарушения композиционных принципов эстетического эффекта [Там же].

Однако в научно-популярных текстах фактор адресата играет несколько иную роль. Мы уже писали, что научно-популярная субсфера научной сферы общения имеет очень нетривиальную коммуникативную миссию, которая реализуется в коммуникативную сверхзадачу автора-ученого – в идеале поменять фрагмент наивной картины мира неискушенного адресата на аналогичный фрагмент научной картины мира или хотя бы приблизить первую к последней [Ким, Ильина, 2019]. Поэтому в образ адресата научно-популярного текста обязательно входит присвоенная им наивная картина мира в отношении научного предмета статьи. Поскольку научная и наивная картины мира по определению противопоставлены, неискушенный читатель становится оппонентом автора-ученого. Однако оппонент этот незримый, «безмолвствующий», голос его по необходимости моделируется автором.

Тем не менее, автор не может прямо назначить неискушенного читателя дискуссионным антагонистом [Eemeren, Grootendorst, 2004]. В этом смысле ему сложнее, чем автору псевдонаучного текста, который избирает читателя своим союзником или, в худшем случае, потенциальным союзником, обращаемым в веру автора, а в качестве образа оппонента использует профессионального ученого², который в своих теориях противоречит здравому

² Ср.: «... в псевдонаучных текстах состав коммуникантов иной: если автор, не являясь ученым, все же представляет результаты своего “исследования”, то адресатами статей выступают два разных субъекта. Первый сходен с адресатом в научно-популярной сфере общения по социальным признакам, вторым же является лингвист, которому оппонирует автор. Наличие второго адресата в прагматических ситуациях исследуемых статей эксплицитно подтверждается небольшим количеством примеров: *Конечно, мне можно возразить, мол, где доказательства тому, что у славян были... письма с буквицей?* (М. Задорнов) (поскольку далее в качестве аргумента возможного оппонента автора приводится отсылка к научной, а не бытовой точке зрения: *Ведь официальная наука утверждает, что...*); *Полагаю, что если бы этрускологи за двести лет изучения этрусских надписей хотя бы раз обратили внимание на подобный факт ...* (В. Чудинов)» [Ильина, 2016, с. 47].

смыслу и не замечает очевидных фактов [Ильина, 2016, с. 47 и далее]. Поэтому, считаясь с фактором адресата в двух разных аспектах, прагматическом и картиномирном, автор научно-популярного текста использует самые разные приемы умолчания или смягчения режима дискуссии, чтобы подвергнуть критике картину мира читателя (картиномирный аспект), не оттолкнув при этом самого читателя нравоучением или научным снобизмом (прагматический аспект).

Рассмотрим некоторые языковые средства и некоторые приемы, которые позволяют автору не акцентировать внимание на фигуре читателя, отмечая неприемлемость его взглядов на научный предмет.

Собственно, за обозначение субъектов, которым в тексте и высказывании принадлежит авторство, как и за способ введения или обработки этой информации, отвечает категория модуса, именуемая авторизацией [Шмелева, 1994, с. 32-33; ср.: Золотова, 1973, с. 263-278]. «Авторизация предполагает квалификацию источника излагаемой информации; иначе говоря, автор обязан, сообщая информацию, квалифицировать ее как свою или чужую, во-первых, и по способу ее получения, во-вторых. Что касается первого параметра квалификации, то в языке за стандарт принято изложение информации “от себя”, поэтому специальные показатели предусмотрены только для нестандартных случаев – изложения чужой информации, цитирования» [Шмелева, 1994, с. 32]. Важным в понимании организации текста в плане авторизации является введенное Т. В. Шмелевой представление об авторизационном ключе, согласно которому в начале текста явным образом или неявно устанавливается источник информации, которому приписывается информация до смены ключа [Там же]. Таким образом, текст разбит на отрезки, каждому из которых приписывается свой источник информации, и границы этих отрезков могут не совпадать с границами предложений и предикативных единиц.

Параллельно понятию авторизации, активно используемому в семантическом синтаксисе, в поэтике подверглось осмыслению явление, названное «точкой зрения». Суть его заключается в том, что повествование ведется не отвлеченно, а с некоторой позиции, которая может быть: 1) полностью авторской, 2) совмещена с позицией одного из героев; 3) сложным образом связана не с одним из героев, например, она может перемещаться от одного героя к другому или совмещаться с позицией нескольких героев (см., например: [Успенский, 1970, с. 47 и далее, 78 и далее, 94 и далее]; о точке зрения см. также [Байков, 1990] и др.).

Первой филологической работой, подводящей основания («систему координат») под понятие «точка зрения», является книга В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка», которая содержит рассуждения об «авторской» и «чужой» речи и их взаимодействии. Определяя реальность языка как «социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями» [Волошинов, 1930, с. 97], автор детерминирует описание ситуации общения и коммуникантов социологическими параметрами (тип социальной связи, принадлежность к одной / разным социальным группам, соотношение иерархических рангов собеседников и пр.). В. Н. Волошинов говорит о линейном и живописном типе передачи чужой речи. Первый подразумевает, во-первых, четкие границы

между авторской и чужой речью, а во-вторых, стирание индивидуальных особенностей второй (преобладающим является предметное содержание, а не характер речи). Второй тип, напротив, предполагает сохранение индивидуальности чужой речи при размывании границ с авторской речью.

К научным текстам предъявляется требование четкости границ между авторской речью и цитированием, то есть здесь доминирует линейный тип передачи чужой речи. В научно-популярной же сфере такого строгого требования нет, поэтому здесь возможна реализация живописного типа, реализующего экспрессивную (воздействующую) функцию.

Первоначально понятие, которое впоследствии было названо точкой зрения, разрабатывалось преимущественно в отношении «образа автора» на материале художественной литературы. Первое различие внутри комплекса смыслов, обозначаемых этим термином, было проведено более чем за десять лет до публикации книги В. Н. Волошинова. Оно связано с актуализацией «чужой речи». Б. М. Эйхенбаум в манифесте «Как сделана “Шинель” Гоголя» выделяет два типа текстов по критерию их «организующего начала»: если в «примитивных» или комических новеллах им является сюжет, то в текстах сказового типа – рассказчик, его «живые речевые представления и речевые эмоции» [Эйхенбаум, 1919, с. 151-153]. Позднее, уже в рамках концепции, которой придерживался В. Н. Волошинов, М. М. Бахтин в книге «Проблемы творчества Достоевского» 1929 г. [Бахтин, 1994] переработал эту идею, выявив три типа прозаического слова: прямое интенциональное, объектное и условное. Основанием для выделения этих типов стали два взаимосвязанных параметра: (1) «речевой центр» («авторская» или «чужая» речь) и (2) объектность речи. Прямое интенциональное (авторское) слово рассчитано на «непосредственное предметное понимание», не представляя собой объекта изображения. Объектное или изображенное слово принадлежит другому говорящему, оно выражено в прямой речи и «является предметом интенции как характерное, типичное, колоритное слово». Слово третьего типа – условное – имеет два голоса: формально оно «авторское», но принадлежит повествователю или рассказчику, а автор прячется за чужой точкой зрения, накладывая на чужую предметную интенцию свою, отличную от нее. Примерами такого повествования М. М. Бахтин называет стилизацию, сказ и пародию [Бахтин, 1994, с. 399-405].

Понятие точки зрения из нарративной поэтики переместилось в лингвистику, где показало свою плодотворность (см., например: [Падучева, 2010]).

В научно-популярном тексте неявное выражение точки зрения позволяет решить проблему отделения реконструируемой наивной картины мира от ее потенциального носителя – неискушенного читателя.

Рассмотрим первые строки статьи А. Пиперски «Введение в индоевропеистику»: *На школьных уроках иногда упоминают, что русский, английский, французский, греческий и многие другие языки родственны и относятся к индоевропейской семье языков – но обычно не поясняется, что́ стоит за ярлыками «родственные языки» и «индоевропейская семья языков». Разве семьи и вообще родственные связи бывают не только у живых существ? //*

Оказывается, об отношениях родства для языков можно говорить благодаря тому, что языки постепенно изменяются во времени [Пиперски, 2015].

Автор сразу определяет границу научного взгляда на родство языков: она проходит где-то в школьном курсе, по-видимому, русского языка, в котором знание могут получить все носители русского языка (или их подавляющее большинство), однако знание о родстве русского и других индоевропейских языков получает не каждый (ср. *иногда упоминают*), и почти никто не получает знание о том, что означает это родство языков (ср.: *обычно не поясняется*). Риторический вопрос отражает наивную точку зрения на язык: 'Семьи и вообще родственные связи бывают только у живых существ'. Точка зрения «наивного оппонента» вводится системой средств, из которых ни одно не вводит явно эту позицию:

1) с помощью сложной пресуппозиции: автор, который начинает рассказ о родстве языков, не может считать, что у языков не может быть родства;

2) с помощью нулевых показателей адресата в предыдущей фразе. Очевидно, что адресат научно-популярной статьи учился в школе. Таким образом, он входит в состав тех, кто получал информацию на школьных уроках, то есть был адресатом речи, которую производили учителя русского языка. Конструктивно *на школьных уроках упоминают* является неопределенно-личной структурой, то есть субъект упоминания множествен и неопределён; такому, а не обобщенно-личному пониманию способствует употребление временного местоимения *иногда*. Но при этом, что более важно, у глагола *упоминать* вообще отсутствует адресатная валентность, что означает неопределенность или даже обобщенность адресата упоминания родства языков. Глагол *пояснять* употреблен в страдательном залоге и при нем также ослаблена субъектная валентность, однако и в этом случае валентность адресата факультативна и, как правило, не заполняется. Таким образом, автор вводит в текст в качестве персонажа рядового носителя языка, но делает это имплицитно, путем использования глаголов *упоминать* и *пояснять* с наличествующей семантической валентностью адресата речи, но отсутствующей или крайне ослабленной синтаксической валентностью, требующей незаполнения соответствующей синтаксической позиции. Соответственно, переход «точки зрения» от автора-ученого к неопределенному неискушенному читателю является неявным, скрытым.

Вводное слово *оказывается* тоже моделирует наивную точку зрения путем сложной пресуппозиции: для автора информация о том, что именно долгосрочная языковая динамика позволяет говорить о языках в терминах родства, не является абсолютно новой (пресуппозиция вводного слова *оказывается*), абсолютно новой эта информация становится для неискушенного читателя.

Таким образом, имплицитность, в том числе скрытая смена точки зрения помогает автору неявным образом ввести в текст фигуру читателя-оппонента, который не знает о родстве языков или не понимает, в чем смысл этой метафоры.

Еще одним приемом неявной смены точки зрения является использование конструкций с противопоставлением. Противопоставление, выраженное союзами *но* и *а*, предполагает «обманутое ожидание» [Урысон, 2015]. Сопоставительная конструкция с парным союзом *не-*

а демонстрирует явно противопоставленную информацию, два прямо противоположных суждения. В некоторых случаях эта противоположность связана с разными точками зрения на один и тот же предмет. Приведем пример из расшифровки лекции О. А. Донских «Язык – это ложь». Как и почему человечество научилось врать»: *Проблема изучения другого языка состоит не в запоминании слов, а в необходимости начать думать на нем. Когда предлагают выучить «английский язык за месяц», понятно, что речь идет об уровне goodbye и how are you. Но английский язык – это другой способ мышления, и одновременно на двух языках мыслить нельзя. Вот почему переводчики Google и Яндекс так плохо работают, ведь они переводят все более-менее близко к тексту, а настоящий перевод – это другой нарратив на другом языке* [Донских, 2015]. Отрицание, с одной стороны, само по себе является сигналом нарушения следующего ожидания: ‘Проблема изучения другого языка состоит в запоминании слов’. Это ожидание логично приписать «незримому оппоненту»: расхожим является мнение, что изучение языка – это освоение его лексики. В этом случае «обманутое ожидание» компенсируется информацией, которая идет после союза *а*: ‘Проблема изучения другого языка состоит в необходимости начать думать на нем’. Автор с помощью сопоставительной конструкции *не–а* полемизирует с оппонентом-читателем, так же, как и автор предыдущей статьи, не называя его. В дальнейшем он разворачивает дискуссию, используя союзы *но* и *а*: *(Но) английский язык – это другой способ мышления, и одновременно на двух языках мыслить нельзя; (...а) настоящий перевод – это другой нарратив на другом языке.*

Употребление сопоставительной конструкции *не–а* далеко не всегда является полемическим приемом: например, мы находим в уже знакомой нам статье А. Пиперски употребление оборота с союзом *не–а* без полемического наполнения: *Например, в IX веке выходцы из Норвегии заселили Исландию. Язык у тех, кто поселился на острове, изменялся иначе, чем у тех, кто остался на континенте, и постепенно оказалось, что есть не один язык, а два родственных, произошедших из одного источника, – исландский и норвежский* [Пиперски, 2015]. В данном случае «обманутое ожидание» связано не с адресатом статьи, а с невыраженным условным наблюдателем – современником событий, что отражается прежде всего во временном плане, выражаемом глаголом *оказаться* в форме прошедшего времени.

Интересна субъектная организация научно-популярного текста и на уровне референции языковых выражений, обозначающих участников коммуникации (прагматической ситуации³).

³ Хотим использовать более строгое понятие для обозначения ситуации, в которой создается и воспринимается речевое произведение. Обычно бывает достаточно употребить термин *коммуникативная* или *речевая ситуация*, однако для текстов художественной литературы, публицистики или иных нарративных текстов важно зафиксировать именно речевую ситуацию в реальности общения, в которой происходит коммуникация. В строгом смысле это прагматическая ситуация – для языкового выражения ситуация, в которой (вос)произведено и воспринято это языковое выражение. Так, известное письмо Татьяны Лариной Евгению Онегину произведено в коммуникации Александра Сергеевича Пушкина с его читателями. Коммуникативная ситуация «А. С. Пушкин – роман “Евгений Онегин” – читатели» и есть прагматическая ситуация.

Средства выражения субъектности в русском языке представлены очень широко: это и лексические средства (например, номинации типа *человек*, *ученый* и т. п.), и морфологические (категория лица, местоимение как специализированная часть речи, грамматические формы глагола и пр.), и синтаксические (например, определено- / неопределенно- / безличность высказывания).

Если говорить об обозначении лиц, связанных с прагматической ситуацией, то на первый план выходят местоимения 1 и 2 лица *я / мы* и *ты / вы* и соответствующие им глагольные формы, поскольку сама семантика категории лица связана с отношением субъекта к прагматической ситуации (говорящий – слушающий – лицо, не участвующее в прагматической ситуации). Однако стройность способов выражения этой категории осложняется тем, что референт личных местоимений (и производных лично-притяжательных) может широко варьироваться, включая транспозиции, иначе переносные значения, лица [Ким, 2006; ср. также: Химик, 1990; Санников 2001 и др.].

В научно-популярном тексте этот способ выражения субъектности приобретает некоторую специфику. Происходит это по двум разным причинам.

Во-первых, научно-популярная статья имеет, как правило, монологический характер. Исключение составляют интервью, адаптированные к жанру статьи, где у ученого есть настоящий собеседник – интервьюер (впрочем, он не является полноценным адресатом ни в самом диалоге, т.к. интервью дается для дальнейшей публикации, ни в итоговой статье), а также тексты или фрагменты текстов, где читателю как бы дается возможность совершить действие. Такие статьи встречаются нечасто, в качестве примера можно привести статьи А. Пиперски «Введение в индоевропеистику» [Пиперски, 2015] и А. Ефимова «История истории: Поклоно ѿ Онѳима» [Ефимов, 2016]. В первой статье автор, чтобы показать, как формировался и как работает метод реконструкции языков, дает читателю ряд задач (например, *Попробуйте теперь ответить на вопрос: как на современном немецком языке выглядит слово «вошь», если по-древневерхненемецки оно выглядело как lūs?*), а затем либо дает ответ как бы от лица читателя (*Без сомнения, вы легко дали ответ: Laus*), либо указывает на действия читателя (*Вы не допустили мысли, что, может быть, в одних словах оно переходит в аи, в других – в е, а в третьих – в о; А пока вы пробуете образовать немецкое слово «вши», которое по-древневерхненемецки звучало как lūsī...*). Во второй статье автор задает читателю загадку, обнаруженную учеными на берестяной грамоте (*Отгадайте загадку: «Есть город между небом и землей, а к нему едет посол без пути, сам немой, везет грамоту неписанную». Вы пока подумайте...*), а затем рассказывает об истории открытия и исследования этих грамот, время от времени возвращаясь к загадке (*Надпись – та самая загадка, которую мы вам предложили в самом начале. Еще не отгадали?; Ну как, не догадались еще?*) и в конце статьи давая ответ к ней (*Ах да, загадка. «Город между небом и землей» – это Ноев ковчег...*).

Такие статьи и фрагменты статей являются скорее исключением, чем правилом: «по умолчанию» научно-популярные статьи монологичны и, будучи стилистически приближены к публицистике и даже художественной литературе, обладают нарративным характером, противоположным диалогичности.

Во-вторых, предметность текста добавляет еще одно дополнительное измерение: личные местоимения, их производные и соответствующие глагольные формы отсылают не только к роли человека в прагматической ситуации, но и к его позиции по отношению к предмету обсуждения – в нашем случае к русскому языку. Автор-ученый может занимать две таких позиции: носитель языка и его исследователь; читатель и автор-журналист – только позицию носителя языка, однако автор-журналист, как правило, носитель более компетентный, чем читатель. Таким образом, референт личных местоимений 1 и 2 лица в научно-популярном лингвистическом тексте может занимать следующие позиции по отношению к прагматической ситуации и по отношению к языку (см.: табл. 1).

Таблица 1

Возможные позиции личных местоимений
и форм глаголов 1 и 2 л. по отношению к прагматической ситуации и к языку
в научно-популярной лингвистической статье

Лицо/число глагола или личного местоимения	Роль референта в прагматической ситуации	Позиция референта по отношению к языку
1 лицо единственного числа	автор	1) исследователь языка, 2) носитель языка
2 лицо единственного числа	обобщенное: автор и не участники прагматической ситуации	обобщенное ⁴ : исследователи языка
	автор, читатель и не участники прагматической ситуации	обобщенное: носители языка
2 лицо множественного числа (единичный референт)	читатель	носитель языка
	автор и не участники прагматической ситуации	обобщенное: исследователи языка
	автор, читатель и не участники прагматической ситуации	обобщенное: носители языка

⁴ Поскольку научно-популярная сфера общения в своей ядерной разновидности (в противоположность таким периферийным разновидностям, как, например, рассказ о научном предмете, адресованный друзьям автора) предполагает уважительную коммуникацию незнакомых взрослых людей, формы 2 лица единственного числа в прямом значении в таких текстах не должны встречаться.

Лицо/число глагола или личного местоимения	Роль референта в прагматической ситуации	Позиция референта по отношению к языку
1 лицо множественного числа	автор («авторское <i>мы</i> »)	исследователь языка
	автор и не участники прагматической ситуации (эксклюзив)	исследователи языка
	автор и читатель (инклюзив)	носители языка
	автор, читатель и не участники прагматической ситуации (инклюзив)	носители языка
	читатели и не участники прагматической ситуации (псевдоэксклюзив)	носители языка
2 лицо множественного числа	читатели	носители языка
	читатели и не участники прагматической ситуации	носители языка

Интересная динамическая ситуация появления «незримого оппонента» на уровне референции местоимения *мы* наблюдается в отрывке статьи журналиста А. Бариновой «Оттенки синего»: *Говоря о безоблачном небе, мы, не задумываясь, представляем его голубым. Пушкинский старик жил со своею старухой «у самого синего моря»; голубой и синий входят в число цветов радуги ... Эти цвета кажутся нам привычной частью окружающего мира, однако так было не всегда* [Баринова, 2015].

При чтении первого высказывания понятно, что местоимение *мы* отсылает к носителям языка (об этом свидетельствует, в частности, глагол речи *говоря*), и референт этого местоимения включает автора, адресата (читатели) и других носителей языка, не участвующих в прагматической ситуации. Второе высказывание укрепляет первое впечатление об отношении референта местоимения *мы* к русскому языку, поскольку в нем содержатся отсылки к прецедентным текстам, которые входят, по мнению автора, в «культурный багаж» всех или почти всех носителей русского языка. Первая часть третьего высказывания (*Эти цвета кажутся нам привычной частью окружающего мира*) написана в том же «референтном ключе»⁵ (с тем же референтом местоимения *мы*, что и в первых двух высказываниях), однако вторая часть меняет этот ключ. Прежде всего, об этом свидетельствует уступительный союз *однако*. Его употребление означает, что последующая часть высказывания содержит

⁵ См. понятия модусного и авторизационного ключа текста в работе [Шмелева, 1994, с. 32].

информацию, которая вступает в противоречие с содержанием первой части предложения⁶. Информация эта «от автора». Это означает, что автор полемизирует с субъектом, обозначенным местоимением *мы*. Противоречие затрагивает референцию местоимения *мы*. До второй предикативной части третьего предложения, начинающейся союзом *однако*, *мы* воспринималось как инклюзив, референт которого включает автора, читателя и не участников прагматической ситуации. Однако, поскольку в первой части последнего предложения выражение *нам кажется* представляет собой модус авторизации, автор возражает множественному субъекту, включающему автора, то есть возражает и себе.

Это противоречие может быть снято, по крайней мере, двумя путями.

Первый из них – динамическое изменение референта местоимения *мы*, которое происходит в третьем предложении. В первых двух предложениях имеем полноценный инклюзив, включающий автора и читателя. В третьем предложении, чтобы не было конфликта в авторизации частей, мы можем интерпретировать употребление *мы* как псевдоинклюзив, исключая автора (ср. интерпретацию выражений типа *Как мы себя чувствуем?* в [Апресян, 1986; Храковский, Володин, 1986; Санников, 2001 и др.]).

Изменение объема референта указанных языковых выражений в процессе чтения текста отражено в табл. 2.

Таблица 2

Динамика объема референта языкового выражения
в начале и в конце фрагмента статьи А. Бариновой «Оттенки синего»

Языковое выражение	Референт в первом-втором предложениях	Референт в третьем предложении
<i>Мы</i> + глагольная форма 1 л. мн. ч., <i>нам</i> (<i>привычной</i>) 0 ₄ ⁷	автор, читатели, другие носители русского языка (инклюзив)	читатели, другие носители русского языка (псевдоинклюзив)

Второе возможное решение представляет собой усложнение авторизационной структуры научно-популярного текста. Мы можем допустить наличие разных авторизационных уровней текста подобно наличию разных уровней авторизации в художественном тексте, где прагматический автор репрезентируется на более низком уровне

⁶ Кроме того, использование этого союза дает интересный эффект: если до его прочтения слово *кажутся* понимается читателем в значении 'иметь какой-либо вид, производить какое-либо впечатление', не подразумевающим обязательную ложность этого впечатления, то после его прочтения ложность создаваемого впечатления становится ясной. Завершающая часть высказывания *так было не всегда* полемизирует с содержанием, имплицитным в прилагательном *привычной*, значение которого подразумевает стабильность признака, о котором идет речь.

⁷ Субъект точки зрения, дательный падеж.

персонажей позицией нарратора. В личные и сюжетные отношения с героями вступает именно нарратор, в то время как прагматический автор взаимодействует с читателем. Нечто подобное вполне возможно представить в научно-популярном тексте: всеведущий автор-ученый или осведомленный журналист (как в анализируемом тексте) знает истинное положение вещей, а персонаж-рассказчик вместе с неискушенным читателем может придерживаться наивной картины мира.

Аналогичный прием используется в статье С. Тер-Минасовой «Великий и могучий или глобальный?» [Тер-Минасова, 2014]: по ходу изложения автор постоянно выступает «союзником» читателя, используя инклюзивное *мы*, а в других фрагментах текста, часто без явных показателей авторской точки зрения, представляет иное, более научное знание, противопоставляя его наивному и таким образом становясь в оппозицию читательскому мнению. Подкупает в позиции С. Тер-Минасовой то, что она отождествляет себя с неискушенным читателем вполне искренне, обсуждая общие сомнения и незнание, см., например: *Нам повезло. Мы современники великого взлёта научно-технического прогресса, подарившего небывалые, невообразимые и немыслимые средства общения, или коммуникации. Открылись колоссальные возможности делать всё вместе, всем человечеством: изучать, изобретать, учить, лечить, охранять природу, бороться с преступностью, торговать, строить... Вместе жить дружно в мире и счастье, о чём во все времена мечтали все народы. Началась эпоха глобализации, глобального, объединённого мира. Планета съёжилась до «глобальной деревни». // Но ... Первый взрыв (приступ?) эйфории уже закончился. Глобализация оказалась явлением противоречивым. И дело не только в том, что великими открытиями учёных воспользовался и криминальный мир (а Зло активнее Добра) и открылись новые высокотехнологичные виды грабежа, инсинуаций, борьбы за власть и т. п. На пути глобализации встал «человеческий фактор».*

Очевидно, что в представленном отрывке используется *мы* инклюзивное (автор, читатель и не участники прагматической ситуации). При этом во втором абзаце отрывка, который привычно начинается с «обманывающего ожидания» *но*, автор не противопоставляет «истинное знание» неверному мнению, а обнаруживает проблему, общую для читателя и автора.

Рассмотрим еще один пример тонкого выражения субъекта авторизации, которое связано с неочевидным референтом существительного и субстантивной группы во фрагменте статьи лингвиста Б. Иомдина «Как взаимодействуют язык бытовой и язык официальный?» [Иомдин, 2014]: *Многие образованные люди сейчас возмущаются обилием уменьшительных, особенно в речи официантов, продавцов или, например, парикмахеров: «Салатики нести?», «Вот эту модельку показать?», «Височки подровнять?» А между тем лингвисты знают, что многие слова, которые сейчас нам кажутся абсолютно нейтральными, когда-то тоже были уменьшительными.*

Первый вопрос, возникающий при чтении этого фрагмента: кто такие *многие образованные люди*, кто входит в состав референта этой номинации? С одной стороны, исходя из специфики сферы общения, образованными людьми будут и автор, и адресат, и множество

других людей – носителей русского языка. Однако слово-квантификатор *многие* ограничивает референт: есть образованные люди, которые исключены из этого множества. В какое (или какие) из двух множеств входят автор и адресат?

Что касается автора, ответ на этот вопрос дает второе высказывание: референт существительного *лингвисты*, несомненно, включает сюда и автора статьи; противительный союз *а* и наречие *между тем* противопоставляют диктум этих двух высказываний ('обилие уменьшительных – плохо' и 'процесс превращения уменьшительных слов в нейтральные нормален для русского языка').

Адресат же входит, вероятнее всего, в число *образованных людей*, возмущающихся обилием уменьшительных. Во-первых, мало кто из читателей внутренне согласится отнести себя к необразованным людям. Во-вторых, несмотря на общую тенденцию к стилистической нейтрализации диминутивов, перечисленные слова в настоящее время еще не стали нейтральными, и их неуместное использование (с точки зрения нормативной стилистики современного русского языка) естественным образом вызывает раздражение у носителей языка, которые обращают внимания на формальную сторону речи.

Таким образом, референт выражения *многие образованные люди* включает в себя неискушенного читателя, а существительное *лингвисты* соотносится в том числе с автором статьи. Однако читателю далеко не просто понять, что автор именно с ним соотносит субъекта мнения 'обилие уменьшительных – плохо' и именно с ним вступает в полемику.

Итак, назначение научно-популярной сферы общения и коммуникативная цель жанра научно-популярной статьи вынуждают автора вести полемику с «безмолвствующим» неискушенным читателем, точка зрения которого по необходимости автором моделируется. При этом довольно четкое соотношение субъектной организации модуса и диктума научно-популярной статьи на темы русского языка, тонкости референции личных местоимений, существительных и субстантивных словосочетаний, а также незамещенных синтаксических позиций в сочетании с организацией системы точек зрения в научно-популярном тексте позволяют автору критиковать взгляды, образующие наивную картину мира читателя, не представляя в явной форме самого читателя своим оппонентом.

Список литературы / References

Арутюнова, Н. Д. (1981). Фактор адресата. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. № 4. С. 356-367.

Arutyunova, N. D. (1981). Addressee Factor. *Bulletin of the USSR Academy of Sciences. The series of Literature and Language*. Vol. 40. no. 4. pp. 356-367. (In Russ.)

Байков, В. Г. (1990). Антропоцентризм языка и поэтика точки зрения. *Общая стилистика: теоретические и прикладные аспекты*. Калинин. С. 4-24.

Baikov, V. G. (1990). Anthropocentrism of Language and Poetics of the Point of View. In *General stylistics: theoretical and applied aspects*. Kalinin. pp. 4-24. (In Russ.)

Баринаова, А. (2015). Оттенки синего. Когда мы научились различать новый цвет. *National Geographic*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nat-geo.ru/planet/310041-ottenki-sinego-kogda-my-nauchilis-razlichat-novyy-tsvet/> (Дата обращения: 07.11.2020).

Barinova, A. (2015). Shades of blue. When we learned to distinguish a new color. *National Geographic*. [Online]. URL: <http://www.nat-geo.ru/planet/310041-ottenki-sinego-kogda-my-nauchilis-razlichat-novyy-tsvet/> (Accessed: 7 November 2020). (In Russ.)

Бахтин, М. М. (1994). *Проблемы творчества Достоевского*. Киев.

Bakhtin, M. M. (1994). *Problems of Dostoevsky's Works*. Kiev. (In Russ.)

Волошинов, В. Н. (1930). *Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке*. Л.

Voloshinov, V. N. (1930). *Marxism and the Philosophy of Language. The Main Problems of the Sociological Method in the Science of Language*. Leningrad. (In Russ.)

Гуревич, А. Я. (1990). *Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства*. М.

Gurevich, A. Ya. (1990). *Medieval World: The Culture of the Silent Majority*. Moscow. (In Russ.)

Донских, О. (2016). «Язык – это ложь». Как и почему человечество научилось врать. *Земля. Хроники жизни*. [Электронный ресурс]. URL: <http://earth-chronicles.ru/news/2016-04-03-90758> (Дата обращения: 12.11.2020).

Donskikh, O. (2016). "Language is a lie." How and why humanity learned to lie. *Earth Chronicles of Life*. [Online]. URL: <http://earth-chronicles.ru/news/2016-04-03-90758> (Accessed: 12 November 2020). (In Russ.)

Ефимов, А. (2016). Поклоно ѿ Онѣима. *N+1*. [Электронный ресурс]. URL: <https://nplus1.ru/material/2016/01/29/birchtree> (Дата обращения: 12.11.2020).

Efimov, A. (2016). Greeting from Onfim. *N+1*. [Online]. URL: <https://nplus1.ru/material/2016/01/29/birchtree> (Accessed: 12 November 2020). (In Russ.)

Ильина, Д. В. (2016). Субъектная организация научно-популярных и псевдонаучных статей лингвистической тематики. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. Т. 15. № 9: *Филология*. С. 42-52.

Ilyina, D. V. (2016). Subject Framing of Popular Scientific and Pseudoscientific Linguistic Articles. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. Vol. 15. no. 9: *Philology*. pp. 42-52. (In Russ.)

Иомдин, Б. (2014). Как взаимодействуют язык бытовой и язык официальный? *Постнаука*. [Электронный ресурс]. URL: <http://postnauka.ru/faq/34828> (Дата обращения: 15.11.2020).

Iomdin, B. (2014). How do everyday language and official language interact? *Post-Science*. [Online]. URL: <http://postnauka.ru/faq/34828> (Accessed: 15 November 2020). (In Russ.)

Ким, И. Е. (2006). Личный дейксис и личная сфера. *Российский лингвистический ежегодник*. Вып. 1(8). С. 54-67.

Kim, I. E. (2006). Personal Deixis and Personal Sphere. *Russian Linguistic Yearbook*. Vol. 1(8). pp. 54-67. (In Russ.)

Ким, И. Е., Ильина, Д. В. (2019). Научно-популярная сфера общения: на границе двух картин мира. *Экология языка и коммуникативная практика*. № 4 (1). С. 58-69. DOI: 10.17516/2311-3499-077

Kim, I. E., Ilina, D. V. (2019). Popular Science Sphere of Communication: on the Boarder of Two Worldviews. *Ecology of Language and Communicative Practice*. no. 4(1). pp. 58-69. (In Russ.) DOI: 10.17516/2311-3499-077 (In Russ.)

Литвак, Б. Г. (1971). О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. *История и психология*. М. С. 199-214.

Litvak, B. G. (1971). On Some Features of the Psychology of Russian Serfs in the First Half of the Twentieth Century. In *History and Psychology*. Moscow. pp. 199-214. (In Russ.)

Лукин, П. В. (2000). *Народные представления о государственной власти в России XVII века*. М.

Lukin, P. V. (2000). *Popular Ideas about State Power in Russia of the 17th Century*. Moscow. (In Russ.)

Падучева, Е. В. (2010). *Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива*. М.

Paducheva, E. V. (2010). *Semantic Research: Semantics of Time and Aspect In Russian; Semantics of Narrative*. Moscow. (In Russ.)

Пиперски, А. (2015). Введение в индоевропеистику. *Постнаука*. [Электронный ресурс]. URL: <http://postnauka.ru/longreads/48008> (Дата обращения: 18.11.2020).

Piperski, A. (2015). Indo-European linguistics in brief. *Post-Science*. [Online]. URL: <http://postnauka.ru/longreads/48008> (Accessed: 18 November 2020). (In Russ.)

Санников, В. З. (2001). О семантике категорий лица и числа (по данным языковой игры). *Традиционное и новое в русской грамматике*. Сб. статей памяти В. А. Белошапковой. М. С. 143-154.

Sannikov, V. Z. (2001). On the Semantics of the Category of Person and Number (According to the Language Game). In *Tradition and Novelty In Russian Grammar*. Collection of Articles in memoriam of V. A. Beloshapkova. Moscow. pp. 143-154. (In Russ.)

Санников, В. З. (1987). *Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика. Синтаксис)*: дис. ... д-ра филол. наук. М.

Sannikov, V. Z. (1987). *Russian Coordinative Constructions (Semantics. Pragmatics. Syntax)*. Doctoral (Philology) Dissertation. Moscow. (In Russ.)

Тер-Минасова, С. Г. (2014). Великий и могучий или глобальный? *Наука и жизнь*. № 9. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/24859/> (Дата обращения: 15.11.2020).

Ter-Minasova, S. G. (2014). The great and mighty or global? *Science and Life*. no. 9. [Online]. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/24859/> (Accessed: 15 November 2020). (In Russ.)

Урысон, Е. В. (2015). Выбор союза *и* vs. *но/а* при сочинении двух предложений (уточнение понятий «ожидание» и «норма»). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Диалог – 2015*. Сб. трудов Международной конференции. Вып. 14(21). В 2-х т. М. РГГУ. Т. 1. *Основная программа конференции*. С. 603–615. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2430/urysone.pdf>

Uryson, E. V. (2015). Choice of conjunction and vs. but / a when composing two sentences (clarification of the concepts of “expectation” and “norm”). In *Computational linguistics and intelligent technologies. Dialogue – 2015*. Collection of proceedings of the International Conference. Is. 14 (21). In 2 vols. Moscow. Russian State University for the Humanities. Vol. 1. *Main Conference Program*. pp. 603–615. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2430/urysone.pdf> (In Russ.)

Успенский, Б. А. (1970). *Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы*. М.

Uspenskiy, B. A. (1970). *Poetics of Composition: The Structure of Literary Text and Typology of Compositional Form*. Moscow. (In Russ.)

Химик, В. В. (1990). *Категория субъективности и ее выражение в русском языке*. Л.

Khimik, V. V. (1990). *Category of Subjectivity and its Expression in Russian Language*. Leningrad. (In Russ.)

Шмелева, Т. В. (1997). Модель речевого жанра. *Жанры речи*. Саратов. С. 88-99.

Shmeleva, T. V. (1997). Speech Genre Model. In *Speech Genres*. Saratov. pp. 88-99. (In Russ.)

Шмелева, Т. В. (1994). *Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык»*. 2-е изд. Красноярск.

Shmeleva, T. V. (1994). *Semantic syntax: Script of lectures in discipline "Modern Russian language"*. Krasnoyarsk. (In Russ.)

Эйхенбаум, Б. М. (1919). Как сделана «Шинель» Гоголя. *Поэтика: Сборники по теории поэтического языка*. Петроград. Вып. 3. С. 151-165.

Eykhenbaum, B. M. (1919). How Gogol's "Shinel" ("Overcoat") has been made. In *Poetics: Collections on the theory of poetic language*. Petrograd. Vol 3. pp. 151-165. (In Russ.)

Van Eemeren, F. H., Grootendorst, R. (2004). *A Systematic Theory of Argumentation: The pragma-dialectical approach*. Cambridge. Cambridge University Press.

Сведения об авторах / Information about the authors

Ким Игорь Ефимович – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, профессор Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2, e-mail: kim@philology.nsc.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5571-4719>

Ильина Дарья Владимировна – ассистент, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2, младший научный сотрудник, Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: dviljina@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6191-5632>

Статья поступила в редакцию: 20.11.2020

После доработки: 28.11.2020

Принята к публикации: 01.12.2020

Kim Igor E. – Doctor of Philological Sciences, Docent, Chief Researcher of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaeva str., Novosibirsk, Professor of Novosibirsk State University, 2, Pirogova str., Novosibirsk, e-mail: kim@philology.nsc.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5571-4719>

Ilina Daria V. – Assistant of Professor, Novosibirsk State University, 2, Pirogova str., Novosibirsk, Research Assistant of Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaeva str., Novosibirsk, e-mail: dviljina@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6191-5632>

The paper was submitted: 20.11.2020

Received after reworking: 28.11.2020

Accepted for publication: 01.12.2020